

МАРК АГАТОВ

ИСТОРИЯ

КРЫМЧАКОВ

ФОТОАЛЬБОМ

Марк Агатов

История крымчаков. Фотоальбом

«Издательские решения»

Агатов М.

История крымчаков. Фотоальбом / М. Агатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748261-9

Крымчаки — самый малочисленный народ Российской Федерации. В 1913 г. в Крыму проживало около 7 тыс. человек. Во время фашистской оккупации Крыма было уничтожено до 80% крымчаков, в основном стариков, женщин и детей. В настоящее время в российском Крыму проживает около двухсот крымчаков. В книге «История крымчаков. Фотоальбом» говорится не только о трагической истории Крыма, но и впервые в истории России опубликовано 50 фотографий коренных жителей Крыма — крымчаков.

ISBN 978-5-44-748261-9

© Агатов М.
© Издательские решения

Содержание

История крымчаков Евпатории	6
Вместо предисловия	8
Евпаторийская слободка	9
Смотритель маяка – дядя Сережа	11
«Морской трамвай»	12
Воспоминание о будущем	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

История крымчаков. Фотоальбом

Марк Агатов

Дизайнер обложки Марк Агатов

Фотограф Марк Агатов

Редактор М. Ильин

© Марк Агатов, 2018

© Марк Агатов, дизайн обложки, 2018

© Марк Агатов, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-8261-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История крымчаков Евпатории

Крымчаки – самый малочисленный народ Российской Федерации. В 1913 г. В России была проведена национальная перепись крымчаков, которая определила общую численность крымчаков – около 7 тыс. человек. В Евпатории, по данным переписи, проживало 272 крымчака. Фашистская Германия, оккупировав Крымский полуостров в 1941 году, осуществила геноцид крымчаков. Было уничтожено до 80% крымчаков, в основном стариков, женщин и детей, что стало началом не только физического, но этнического угасания общности (по данным переписи 2001 г. в Украине проживало 406 крымчаков, из них в Евпатории – 14). В настоящее время в российском Крыму проживает около двухсот крымчаков.

Крымчаки

Я совершенно убежден, что именно в этот момент, когда вы держите в руках эту книгу, а затем открываете ее первую страницу, вы – в качестве читателя – создаете книжную судьбу. Недаром кто-то из великих сказал, что у каждой книги – своя судьба.

Я много лет знаком с писателем и журналистом Марком Агатовым. Уже его первые газетные публикации привлекали смелостью и нетривиальностью суждений, острой манерой, ясностью позиции. Как это ни парадоксально, но именно эти, на мой взгляд, сильные стороны журналистского дарования Агатова в творческой тусовке вызвали определенную настороженность. Ну, а когда появились итоги его расследований под обложкой довольно толстых книг, всем стало понятно – на крымском уровне именно Агатов стал основным разработчиком этого небезопасного жанра. А это уже принесло автору профессиональное уважение коллег. Конечно же, не всех, а лишь тех, кто был способен отличить привычную «заказуху» от непривычного стремления докопаться до самой сути.

Новая книга Марка, как мне показалось, стала для него неким промежуточным итогом большого куска его жизни. Может, поэтому на этих страницах больше теплоты и грусти, нежели яростной отваги и злости. Заметьте, я сказал о промежуточном итоге, а это значит, что впереди у Марка Агатова новые книги, а у нас – новые открытия.

Ну, а у этой книги пусть будет счастливая судьба!

*Григорий ИОФФЕ,
депутат Верховного Совета
Автономной Республики Крым,
Заслуженный журналист Украины.*

Вместо предисловия

Лет сорок назад в Евпаторию приезжали два пожилых крымчака. Им было за пятьдесят, и они мне казались тогда ужасно старыми. Мужчины говорили с моим отцом на родном языке. Слушали крымчакские песни, которые пел отец, сидя за швейной машинкой. А потом обратились ко мне и предложили написать книгу о расстрелянном народе. В то время я делал первые шаги в журналистике и очень гордился своими заметками, опубликованными в городской газете. Старики оставили мне копии статей о крымчаках, письма, воспоминания, но книгу об истории моего народа я написать не смог. Был слишком молод для такой работы.

И вот прошло сорок лет. Теперь и я в глазах молодых такой же старый крымчак, как мои давние знакомые. Я отложил в сторону недописанные детективы и занялся сбором материала о жизни и смерти, о героях и предателях... Но это не будет историей народа, потому что я не историк. Я всего лишь писатель, журналист. Я умею придумывать детективы, докапываться до истины и ввязываться в драку с сильными мира сего, но как разобраться в том, что произошло сто лет назад? Как узнать правду из рассказов и воспоминаний пожилых людей и древних стариков? Людская память – штука коварная. Можно забыть о чем-то важном и навсегда запомнить цвет глаз никчемного бродяги. И мы никогда не узнаем, почему запомнились глаза этого человека, а не тысяч других.

Так что пишу я не историю города и евпаторийских крымчаков, а пересказываю то, что осталось в людской памяти о прошлой жизни.

Евпаторийская слободка

Первые семь лет своей жизни я прожил на евпаторийской слободке во времянке на Среднем переулке, 4. Это был особый мир, мир общих дворов, жестокий и открытый настежь. Здесь уважали силу и умение постоять за себя в уличной драке. Даже мы, дошкольная мелкота, подражая взрослым, квасили друг другу носы, пытаясь доказать свою исключительность. В городе «слободских» боялись и старались с ними не связываться.

В 1957-м я должен был идти в первый класс. Однажды на семейном совете услышал слова отца. Он сообщил бабушке, что ни за что не отдаст сына учиться в «слободскую школу».

– Оттуда выходят уголовники и шалопаи, – говорил папа. – А я хочу, чтоб мой сын получил нормальное образование и стал порядочным человеком.

Бабушке этот разговор не нравился, потому что в нашей семье был один шалопай, сводный брат моей мамы – дядя Миша. Он был вспыльчив и драчлив. Невысокий, плотный, необычной силы, с накаченной борцовской шеей дядя Миша никогда не прощал подлости. В глазах мальчишек он был настоящим героем. К нему обращались за помощью не только его друзья, но и вполне добропорядочные соседи. Запомнился мне его хриплый прокуренный голос и песни про «Ванинский порт», злодейку судьбу и погибающего в тюрьме бродягу...

Крымчаки на свадьбе в Евпатории

С годами он остепенился и стал весьма уважаемым человеком, но когда мы собирались вместе за праздничным столом, по просьбе зрителей Михаил Яковлевич исполнял песни из своей ранней юности.

После одной из «длительных командировок», так дядя Миша называл свое долгое отсутствие в родном городе, он надумал жениться. Свадьбу сыграли на слободке в нашем дворе весело и щедро. Оркестр на ней заменили самодеятельные музыканты – крымчаки. Они били в традиционный бубен и наигрывали популярные на свадьбах мелодии. Среди гостей евпаторийские крымчаки были самыми веселыми и заводными, дурачась, они выстраивали перед фотографом удивительные композиции. Застывшие навсегда в семейных фотоальбомах мгновения той далекой свадьбы лучше всяких слов могут рассказать о характере и темпераменте крымчаков. После страшной войны, после массовых расстрелов люди не сломались, не ушли в депрессию и на свадьбе дяди Миши показали, что наш народ еще жив и умеет веселиться и радоваться чужому счастью.

Но вернемся в пятьдесят седьмой год.

Не знаю уж, как, но отцу все же удалось поменять квартиру. Наше новое жилье было ничем не лучше прежнего. Квартира оказалась такой же тесной и маленькой. Единственным ее достоинством было то, что располагалась она в одноэтажном доме по улице Приморской в двух кварталах от моря. Во время зимнего шторма до нас долетал рокот волн. Мама говорила, что на этой улице мы дышим чистейшим морским воздухом. Отцу тоже нравилась близость моря, но главным для него было то, что после переезда я смог поступить в среднюю школу №10.

– Ты будешь учиться в той самой школе, где в прошлые годы была мужская гимназия и получил образование самый знаменитый крымчак – известный советский поэт Илья Сельвинский, – говорил он, сидя за швейной машинкой «Зингер».

Мой отец хорошо разбирался в истории, любил читать книги. Вечерами я устраивался рядом с ним на кухне и слушал его рассказы о нашем городе, крымчаках и недавней войне. А еще, под непрерывный рокот немецкого «Зингера», он пел на родном языке, как мне тогда казалось, очень грустные крымчакские песни.

Смотритель маяка – дядя Сережа

По соседству с нами жил старый маячник дядя Сережа. Роста он был невысокого, и от него всегда пахло морем и рыбой. Я дружил с его сыном Сергеем Добжинским, и это давало мне огромные преимущества перед сверстниками.

Дело в том, что дядя Сережа любил возиться с пацанвой. Приводил нас на маяк, брал с собой в море. Учил плавать, грести веслами и страшно ругался, если начинающие мореходы подставляли шлюпку бортом к волне.

– Правым табань! – кричал он громко и зло. – Дистрофики, шлюпку перевернете. Кто так гребет!

Мы налегали на весла и до кровавых мозолей на ладонях выгребали против волны. Дядя Сережа привил нам не только любовь к морю, но и научил уважать стихию, невзирая ни на что, бороться до последнего, спасая казенную шлюпку и свою жизнь. А еще у дяди Сережи была моторка «Галс». Мы вдвоем с его сыном гоняли на ней по заливу, и однажды, поздней осенью, когда в двух милях от берега у нее заглох мотор, и на море начался шторм, часа два гребли на веслах к маяку. Не знаю уж, почему, но нашего бедственного положения никто не заметил и не пришел на помощь. Мы выбивались из сил, но не бросали весел.

– Раз, два, три, – сквозь шум ветра, орали мы по очереди, стараясь попадать в такт веслами. Наконец, увидели причал. Волна здесь уже была поменьше, и «Галс» с трудом, но все же смог причалить к берегу недалеко от маяка.

На следующий день в школе мы ходили героями, демонстрируя всем кровавые мозоли и живописуя героическую борьбу со стихией.

Почти полвека прошло с тех давних дней. Дядю Сережу Добжинского, наверное, уже никто и не вспомнит. Навсегда покинул родной город его сын Сергей. И вроде бы ничего не добился в своей жизни мой скромный сосед. О нем не писали газеты, а я не смог сделать из него «героя детектива», как это произошло с доброй сотней моих знакомых. Старик-маячник просто не вписался ни в один сюжет, и только сегодня, вспоминая старую Евпаторию, вместе с исчезнувшими под водой пляжами, я увидел на горизонте в бушующем море старую моторку «Галс» и двух пацанов, отчаянно цепляющихся за жизнь, и вспомнил слова старого маячника: «Правым табань, правым! Кто так гребет! Шлюпку перевернете!»

Дядя Сережа исчез из нашего мира так же незаметно, как уходят из этого города тысячи моих земляков: без некрологов в газете, без лживых слов у могилы, но он жил в Евпатории, маленький, незаметный маячник, и о нем должны помнить, потому что это был и его город.

А еще мне запомнился прекрасный песчаный пляж у маяка и перевернутые кверху днищем огромные многovesельные шлюпки. Там можно было спрятаться от дождя, играть в войну и придумывать жуткие пиратские истории.

«Морской трамвай»

В середине пятидесятых в будние летние дни всей семьей вечерами мы ходили купаться на городской пляж. Располагался он в районе нынешнего сквера имени Караева. Это был большой песчаный пляж с навесами от солнца и чистейшим морем. Помнится, что и киношники выбрали этот пляж для съемок самого знаменитого фильма о Евпатории «До свидания, мальчики!».

Старожилы еще не забыли и то, как от причала нынешнего сквера имени Караева летом каждые десять – пятнадцать минут отходили катера к «Новому пляжу». Билет в один конец стоил десять копеек, и эти «сойки» и «голуби» вполне можно было воспринимать в качестве «морского трамвая». В то время настоящая трамвайная линия заканчивалась на Пересыпи, и дальше, до «Нового пляжа», надо было шлепать пешком, поэтому морской транспорт пользовался у горожан повышенным спросом.

Евпаторийский пляж 1972 г.

На «Новый пляж» по выходным евпаторийцы отправлялись целыми семьями на весь день, а чтобы не обгореть на солнце, брали с собой палки и белые простыни. К полудню весь пляж покрывался самодельными навесами. Торговых точек на пляже было немного, поэтому еду курортники и местные возили с собой из города. К вечеру у единственного причала на «Новом пляже» собиралась огромная очередь. Разморенная на солнце публика занимала места на открытых палубах прогулочных катеров и с чувством исполненного долга отправлялась в город до следующих выходных.

Воспоминание о будущем

Все лучшее в детстве, о чем вспоминается сегодня, для меня было связано с летними каникулами, но вот приходила осень с ее северо-восточным ветром и холодными ливнями и как-то незаметно заканчивался праздник души в моей родной Евпатории и начинались школьные будни. Частенько после школьных уроков я приходил на причал в сквере имени Караева, подходил к самому краю и усаживался на деревянный настил. Впереди до самого горизонта простиралось бесконечное синее море, а внизу под ногами у края причала плескалась рыба, степенно перемещались, лениво шевеля щупальцами, огромные синие медузы. Сидеть на краю было немножко жутко, но я, как и все евпаторийские мальчишки, хорошо плавал и совсем не боялся обитателей морских глубин.

Рядом со мной стоял портфель с учебниками, дневником и тетрадками. Надо было идти домой, а я сидел и мечтал о будущем, о том, как внезапно расстанусь с детством, и мне не нужно будет ходить в школу, потому что я стану капитаном дальнего плавания или штурманом, ну, на худой конец, боцманом на океанском пароходе. А мой родной город превратится в сплошной вечнозеленый парк, и мы будем жить при коммунизме. Что такое коммунизм, я представлял смутно, но в споре с одноклассниками весьма убедительно говорил, что при коммунизме в каждом доме будет вдоволь белого хлеба, мандаринов и шоколадных конфет.

Теперь я улыбаюсь, потому что так и не дожил до коммунизма. Да и в то время ни о каких мандаринах и шоколадных конфетах «партийные кассандры» в своих докладах не вспоминали. Это была моя личная добавка к слову «коммунизм», и родилась она не на пустом месте. Мандарины и апельсины в нашем доме появлялись вместе с посылкой из Сухуми. Там жили папины родственники – несколько крымчакских семей, покинувших Крым во время и после войны. Они приезжали к нам в гости на большом белом пароходе, говорили с отцом на родном языке и вскоре уезжали, оставив после себя долго не выветривавшийся из квартиры чудесный мандариновый запах.

Несколько раз и мы отправлялись по морю на Кавказ. Вначале останавливались в Новороссийске, потом в Поти, и завершалось наше путешествие в столице Абхазии Сухуми. Когда я бывал в Сухуми, то всегда удивлялся, что держит там мою троюродную сестру Симу и ее детей, перебравшихся на Кавказ уже после войны из Евпатории. До их отъезда мы жили вместе в одном дворе на Слободке. В Сухуми они поселились в пригородном поселке, расположенном на берегу моря. Вот только пляж, в отличие от евпаторийского, там был галечный, а не песчаный. Загорать на камнях было неудобно и неприятно. Не нравился мне и весьма странный обычай местных аборигенов: прямо с берега выливать по утрам помои в море. Когда я спросил одного из загрязнителей природы, не противно ли ему потом купаться в помоях, он широко улыбнулся и сказал: «Кацо, ты ничего не понимаешь. Вся эта грязь уплывет в Турцию и через час вода у берега будет, как слеза, а делаем мы так потому, что в домах нет канализации».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.